

ЛУЧ ПРАВДЫ ВО МГЛЕ ЛЖИ

Мария Мусина

Луч правды во мгле лжи

«Автор»

2023

Мусина М.

Луч правды во мгле лжи / М. Мусина — «Автор», 2023

Ольга Звонарева (знакомая читателям по романам «Охотничий билет без права охоты» и «Квадратные метры хитрости») развелась с мужем. Переживает – муж ведет себя неблагородно по отношению к ней. Но ее переживания ничто по сравнению с тем, что случилось с ее подругой Натальей Кубаревой – Наталью муж Валерий обобрал до нитки, а теперь уверяет, что «любовь прошла», разводится, еще и собирается делить квартиру. Детективное агентство «Чистая вода» берется разузнать всю подноготную ренегата. Одновременно экстрасенс Владимир Бородин просит Ольгу помочь его приятельнице астрологу Ларисе Верещагиной. Астрологиню вызывает на детектор лжи (передача «Лучи правды») некая Лана Прошкина. Верещагина уверяет, что знать не знает Прошкину, никогда ее не видела. Подстава? Неизвестные недоброжелатели хотят очернить безвинную Верещагину? Прояснить ситуацию берется все то же агентство «Чистая вода».

© Мусина М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мария Мусина

Луч правды во мгле лжи

Глава 1

...Блики солнца и стрекозы скользят по глади реки. В травяных зарослях у берега светятся ромашки. Я стою на бортике моста. Внизу, у моих ног, – ватага малышни, мои друзья-приятели-ровесники. Они внизу, а я наверху, потому что сейчас я прыгну с высоты в реку, а они – стремятся. И не «солдатиком» каким-нибудь прыгну, а по-настоящему – «ласточкой». И я прыгаю. Ухожу под воду, она мутная, я боюсь ее, этой душной воды, но знаю, что из нее можно вынырнуть и опять дышать.

И снова будут – свет, солнце, стрекозы и гладь воды.

Но это – только сон. Давно обмелела, пересохла река моего детства Дорка. И я сегодня не отважилась бы прыгать с высоты «ласточкой».

Говорят: чтобы узнать человека – надо с ним развестись. Вот я и узнала Антона – человека, с которым прожила десять лет. Картина предстала неприглядная.

Оказывается, Антон меня уже пять лет не любит.

– Я тебя уже десять лет не люблю. А ты и не замечала, – сказал с укором.

А я действительно не замечала. Мне казалось: пусть любовь и прошла, но мы же друзья, мы столько пережили вместе – это уже и есть любовь, это уже и есть та энергия, которая нас связывает. Привязанностью называется. Разве этого мало? Но видно – мало.

Оказывается, Антон мне уже пять лет изменяет. Этого я тоже не замечала.

– А что же ты со мной пять лет назад не развелся?

– Имущество боялся делить.

Я задохнулась:

– Ты собираешься имущество делить? Вилки-ложки?

– Квартиру.

– Возьми отступного – деньгами.

– Я в эту квартиру много денег вложил. Два ремонта дорогостоящих, мебель, – деловито перечислял Антон. – Все это стоит столько же, сколько квартира. Половина ее – во всяком случае.

«Только не это, – подумала я, – только не это». Жить с этим человеком десять лет – я не могла. Нет, я жила с другим человеком. Когда он успел так измениться?

– Не обращай внимания, – говорила Поли, – если бы люди при разводе способны были на выражение глубокой благодарности за совместно прожитые годы – не разводились бы. Что, я не наблюдала много лет, как вы жили? Антон твой – типичный подкаблучник. Раньше под твоим каблуком был – теперь под другим. От таких мужиков редко дождешься благородного поведения.

И я только вздыхала.

Как только я переехала к Василию, Антон тут же стал выкладывать в соцсети (мы там, разумеется, были френдами) радостные фото со своей новой тетенькой. Тетенька была не первой и даже не второй молодости, как можно было предположить (обычно мужики все-таки стремятся к молодости, начиная новую прекрасную жизнь).

Самое смешное (хотя мне было не смешно, а противно), что я тетеньку эту знала. Ее как-то привел в нашу общую компанию наш общий знакомый. Где-то год назад. С тех пор у Антона с тетенькой Леной роман и завязался.

На том основании, что мы знакомы, Лена (так звали тетеньку) стала мне писать письма по ватсапу. Интересоваться, причем с весомым укором: почему я за десять лет совместной жизни не отучила Антона пить пиво вечерами? «Вот я своего мужа – отучила, – гордилась в письменном виде Лена, – не любила, а отучила. А твоего – сразу полюбила. Как молния пронзила...»

Мне бы не отвечать, заблокировать тетеньку и забыть. Но я втянулась в эту переписку. Можно даже сказать, встряла. Все же на первом этапе развода я еще относилась к Антону, как к своему человеку. Хотелось оправдать его слабости, объяснить привычки, защитить даже.

Ну, я и огребла, конечно, по полной.

«Ты же всю жизнь гуляла, – писала мне тетенька Антона. – Ты его кормила едой из кулинарии. Как только Тошенька выжил при такой жене? Ты – ленивая и загульная. Ты – матершинница и богохульница...»

Понятно, что все эти «сведения» Лена получила от Антона. Это он так обо мне рассказывал, делился, так сказать, своим несчастьем.

Но «вершиной» нашего с Леной общения стало ее фото. Она мне прислала свое фото: лежит она голая на кровати, с голыми сиськами. А сиськи-то силиконовые – невооруженным глазом заметно.

После этого я тетеньку заблокировала. Пожаловалась, конечно, подругам, фото с силиконом показала.

– А зачем она тебе это шлет? – спросила Поли.

– Да, степень низости понятна, – констатировала Ирка, – даже я до этого не додумалась – Кикиным телкам себя в голом виде слать. Она совсем на всю голову?

У меня не было на это ответа.

– Что для тебя изменилось, если бы у Антона появилась достойная женщина? – спрашивала меня подруга Поли.

– Ты знаешь – многое. Все же такой выбор характеризует мужчину. Тем более что Антон завел ее еще при мне. Получается, что поменял ее на меня. То есть наоборот – меня поменял на это вот. Это очень снижает мою самооценку.

– А если бы тетенька была лучше тебя? Повышала бы твою самооценку?

– Оставила бы в незаблестимости, – поразмыслив, решила я, – а теперь мне противно – от того, что я жила с мужиком, у которого такой вот вкус. И потом, не сама же тетенька придумала про то, что я гулящая. Это же Антон ей все рассказывал. Зачем? Это – неправда. Ты же знаешь: неправда это. Зачем Антон это сделал?

– Может быть, это ее фантазии?

– Любые фантазии на чем-то основываются.

Василию я, конечно, ничего не рассказывала о новой тетеньке Антона и не показывала фотку. Стыдно признаться, что ты десять лет жила с придурком.

Но апофеозом была свадьба! Да, еще не просох штамп в паспорте о разводе, Антон поставил новый – сочелся законным браком с тетенькой. Мало того! Они еще и венчались!

Если бы я прочла в каком-нибудь романе: жених на венчании был в синем пиджаке в крупную белую клетку, – подумала бы: перебор. Яркая, конечно, деталь, характеризующая персонаж. Но такого – не бывает. Все же люди, которые чувствуют необходимость венчаться в церковь, понимают особенности места и смысл таинства. Эти люди и раньше посещали церковные службы, соблюдали каноны и обряды, дресс-код. Не с пирушки заглянули в храм, не из бара ночного клуба. Можно и другие детали поискать для художественного воплощения образа дешевого фраера.

Но ведь так и было! Антон венчался в клетчатом, нарочитом, как у клоуна, пиджаке.

Молодая была хоть и не молода, но проникновенный взгляд ее должен был свидетельствовать о неземно высоких чувствах, впервые ее посетивших. Эти фото я потом увидела в

том же фейсбуке. А в ночь после венчания Антон прислал мне эсмэску: «Поздравь меня! Мы сегодня венчались!» Ну не придурок?

– Ты особо не расстраивайся, – говорила подруга Поли, – когда люди разводятся – они много чего друг другу говорят такого, что не соответствует действительности. Потому что людям в этот момент страшно. Резко меняется жизнь! Что будет – непонятно – неизведано. Стараются внушить себе, что все раньше было плохо. Стараются надеяться, что впереди только счастье безмерное. Типа: хуже не будет.

– А прошлое такие люди не боятся потерять? – не могла смириться я. – Перечеркивать прошлое – перечеркивать жизнь. Уж какая была.

– Будущее – всегда важнее. И потом, ты же первая ушла к Василию...

– Я ушла, потому что Антон мне создал невыносимые условия для жизни. Ко всему придирался, хамил... Ты же помнишь, как это было. Антон мне должен быть благодарен! Сам-то он никогда бы на это не решился – поставить точку. И, заметь, я не размахиваю своими счастливыми фото с Василием в фейсбуке. Из деликатности. Щажу самолюбие Антона. Из уважения к прошлой нашей жизни.

– И забудь. Не размахиваешь, потому что у тебя все хорошо. Тебе никому не надо ничего доказывать. И радуйся!

Мне жалко было нашего с Антоном прошлого. В нем все же было и много хорошего. Мы вместе с Антоном многое пережили: и потерю близких, и наезды бандитов, и болезни...

И я не хотела все это перечеркивать. И я переживала.

Но оказалось, что бывают разочарования и посильнее. В один непрекрасный день позвонила Ирка Осокина, как всегда строгим голосом велела немедленно явиться.

– В офис, – уточнила.

Это, конечно, ничего не означало особенного. Потому что Иркин офис, вернее квартира под офис, которую Осокина сняла, употреблялась хозяйкой детективного агентства «Чистая вода» по совершенно разным назначениям – от приема посетителей до приема частных гостей.

– У меня здесь Наталья сидит, – понизила голос Ирка, – вся в соплях. Твоя, между прочим, подруга.

С Наташей мы дружим давно. Правда, в последнее время не так плотно. Наташа на меня обиделась. Не то чтобы обиделась. Но так вышло, что я познакомила ее бойфренда с Поли. А бойфренд возьми и увлекись звездой эстрады¹. В этом не было никакой моей вины, я – не сводничала. И Наташа это понимала. Но видеть меня ей было неприятно. И я это понимала. Мы не то чтобы совсем перестали общаться, но созванивались очень редко. Какая-то неловкость повисла между нами.

И вот Наташка сидит в соплях не у меня на кухне, а в офисе у Ирки, с которой едва знакома. У Ирки ищет утешения.

Я, конечно, сразу собралась и поехала.

Наташка действительно была в совершенно разобранных чувствах. Несмотря на то, что Ирка уже успела влить в нее литр валерьянки. Впрочем, по мере того, как Наташка стала излагать причину своего такого нервного душевного состояния – стало ясно: валерьянка тут не поможет ни с какого бока.

Три года назад Наташа, наконец, встретила мужчину своей мечты. Наташа тогда была директором по рекламе крупного торгового центра, а мужчина, рослый и харизматичный Валерий, снял в нем помещение под свой магазин. Снял за бешеные деньги, не торгуясь. Уже один только этот факт мог заставить Наташку посмотреть на Валерия с пристрастным интересом. А тут к тому же выяснилось, что Валерий совсем не чужд в некотором роде сентиментальности

---

¹ Об этом в романе Марии Мусиной «Охотничий билет без права охоты».

и полету фантазии. Магазин Валерия торговал игрушками! Всякими там медведжатами, железными дорогами, уникальными куклами и домиками для них неимоверной роскоши. Торговля шла не шибко – товар был слишком дорогой. Но Валерий говорил, что для него это неважно:

– Главное ведь исполнение мечты.

О! Какое женское сердце не дрогнуло бы при таком заявлении!? Ясно было, что Валерий богат, к деньгам относится легко и может себе позволить парить над действительностью.

Валерий был щедр, красиво и разнообразно ухаживал. Небанально излагал глубокие мысли о смысле бытия. К тому же был свободен от брачных уз. Правда, в анамнезе имелась семья – но у кого ее нет к сорока-то пяти годам?

Наташа влюбилась. Ее чувства были небезответны. Буквально через два месяца состоялось бракосочетание. Наташка была счастлива.

Это было как раз то время, когда мы мало общались. Хотя я и помню: Наташа мне что-то взхлеб рассказывала о своем прекрасном муже, о многочисленных поездках по сказочным местам за границей, о том, что – «вот бывает же!» – все хорошо. Наташка тонула в благополучии, неге и любви.

И утонула. Благополучие как-то быстро кончилось. Материальное благополучие – во всяком случае. Магазинчик с чудесными игрушками разорился. Чудеса – нестабильная валюта. Если дорогущие игрушки никто не покупает – романтическая вера в мечту не сложит дебет с кредитом.

В принципе Наташа и сама прилично зарабатывала. Но не может же прекрасный, брутальный Валерий сидеть у женщины на шее. Тем более что Валерий был полон грандиозных планов и гениальных проектов. На них, правда, не было денег. Но это пока. Можно же начать с мелочи. Ну, например, закупить партию икры и красной рыбы на Сахалине к Новому году.

Деликатесы разлетятся мгновенно в прожорливой Москве, а навар будет солидный. У Валерия совсем немного не хватало денег для оптовой закупки. Наташа добавила свои сбережения.

Все получилось!

– Я много раз начинал все сначала, – говорил проникновенно Валерий, обнимая Наташу, – много раз! Я не боюсь начинать с нуля. У меня все всегда получится. Всегда удавалось! А сейчас – тем более. Потому что у меня есть ты. Мы – вместе! И это самое главное в жизни!

Наташа гордилась своим мужчиной. Он – сильный. Вокруг так много никчемных слабаков и нытиков. А у нее – сильный. Валерий ничего не боится. И у него все получится! И они – вместе! И все преодолеют!

Поставки рыбных деликатесов расширились, теперь уже на регулярной основе, а не только к праздникам. Доход был хоть и небольшой, но стабильный.

Однако не таков Валерий человек, чтобы почивать на лаврах и довольствоваться малым. В его голове роился сонм невероятно продуктивных задумок. К каждой из которых Валерий не ленился писать бизнес-планы, по которым выходило – как ясный день – что все это безмерно доходно, а риски сведены к нулю. Осуществлению мешало только одно обстоятельство – отсутствие первоначального капитала.

– Можно, конечно, взять кредит, – размышлял вслух Валерий. – Но у меня нет никакой недвижимости. Я все оставил бывшей семье.

Этот штрих биографии Валерия вполне укладывался в очарование благородства. А как, как еще должен поступать настоящий мужчина? Только так и должен. Все оставлять семье.

Наташа взяла требуемый кредит. Во-первых, у нее была большая официальная зарплата. Во-вторых, Наташе от бабушек, папы-мамы досталась обширная недвижимость – были гарантии. Кредит дали легко.

Тут появилась первая затыка. Дело Валерия развивалось успешно, но для раскрутки, разумеется, нужно было время. Дохода хватало только на то, чтобы гасить проценты. «Тело» кредита приходилось возмещать из Наташиной зарплаты. Впрочем, суммы были подъемные. Наташа пребывала в благодати. У любимого мужчины все получалось, любимый был в приподнятом настроении. Все складывалось как нельзя лучше.

Но грянул гром. Валерий выкупил помещение под рыбный ресторан, но обманул, кинул партнер на стадии завершения сделки. И не какой-нибудь случайный партнер, а старинный друг. Как он мог? Во что теперь верить? Кому теперь верить?

Валерий был в ужасном состоянии. На грани самоубийства.

– Мы начнем все сначала, – шептала Наташа, утешая любимого, – верь мне. У нас все получится. Мы – вместе.

И действительно, почему должно было не получиться? Раньше-то у Валерия все получалось. Что изменилось? Да ничего! Мир, как известно, делится на волков и овец. Валерий был явно не овца. Не таковым уж уродился. А временные трудности, что ж, бывают.

Наташа начала распродажу своего имущества с двух бабушкиных однушек.

И они опять начали сначала. И все получилось! Опять начались дальние, приятные путешествия. Обменяли Наташину квартиру с доплатой на роскошную, огромную и сияющую дорожным ремонтом.

Но через полгода вполне сносной рентабельности новый рыбный ресторан Валерия обанкротился – пришлось продать за долги.

И снова Валерий впал в депрессию. И снова Наташа шептала: «Мы начнем все сначала». И продала дачу, потом родительскую квартиру...

В за три года «настоящий мужчина» Валерий ухитрился перевести всю Наташину собственность в общую. А теперь намеревался разводиться и делить совместно нажитое имущество. Классический кидок. То, что Наташа получила по наследству, – не делится при разводе. А теперь все делится. И очень легко.

– Я тебе уже говорила, – подытожила Ирка Наташин горестный рассказ, – спасибо скажи, что он еще тебя в землю не закопал. Тогда ему вообще все твое бы досталось. По всему видно: прожженный. Вот всем говорю: не доверяйте мужикам! Надо было сразу ко мне бежать. Еще в период благолепия. Я бы его вывела на чистую воду!

Наташка рыдала. Я бы на ее месте тоже горевала. Потерять и любовь, и почти всю недвижимость одновременно – это вам не хухры-мухры. И неизвестно, чего было жалче. Любовь – очень редкая штука. Прощаться с ней неимоверно больно. Недвижимость тоже никогда лишней не бывает. А если все на все помножить – вообще кранты. Как это пережить?

– Надо что-то делать, – сказала я.

– Ну, ты, как всегда, мудра и оригинальна, – довольно злобно заметила Осокина, – а то мы без тебя не догадались бы. Да, вот сидели бы так сложа ручки и ждали бы, когда мерзавец одержит победу. Конечно, надо что-то делать. Вопрос – что?

Любовь, понятно, уже не вернешь. Но хотя бы имущество... Я не стала озвучивать эту свою мысль. Во-первых, опасаясь Иркиного сарказма – мысль действительно была не оригинальна. Во-вторых, потому что Наташке наверняка с любовью расставаться было едва ли легче, чем с недвижимостью. Уверена: если бы вероломный Валерий не стал бы с ней разводиться – Наташка пребывала бы все еще в эйфории чувств. С милым рай и в шалаше, как известно.

Тем более что с годами разочаровываться в любви все проблематичнее. В том смысле, что надежда встретить новую, чистую любовь уже изрядно потрепана предыдущими неудачами.

– Так, – решительно сказала Ирка, – хватит нюни распускать! Надо прижать субчика к стенке! Так, чтобы он и думать забыл посягать на твою законную недвижимость! Пусть хоть квартиру оставит. Ишь! Не на тех нарвался! Мы его голым в Африку пустим! Он будет бежать

от нас впереди своего визга, роняя крылья, теряя перья! Это он просто твоих подруг не знает. Ничего. Он нас узнает!

Мы с Наташей с надеждой посмотрели на Ирину.

– Фото есть? – спросила Ирка.

– Наташа порылась в своем телефоне:

– Вот. И вот.

Мы с Ирккой склонились над изображениями. Ну, ничего такой – крупный мужчина с красиво вылепленным лицом и благородной сединой.

– Скинь мне на вотсап все, что есть. Всю его подноготную разузнаем! – Ирка достала блокнот. – Как фамилия, имя, отчество?

– Валерий Валерьевич Коростылев, – пролепетала Наташа.

– Номер паспорта? Год рождения? – продолжала Ира. – Где учился, кем работал?

Сведения, которые Наташа могла предоставить, были крайне скудны. Да, учился где-то. Да, работал в Муроме, кем-то в администрации города.

– Кто родители? Ты с ними знакома?

– Родители умерли, – сказала Наташка и с тоской посмотрела в окно.

– Не факт, – ухмыльнулась Ира, – проверять будем все. Друзья? Что за друзья у него?

– Он недавно в Москве, все друзья остались в Муроме, – Наташа опять зарыдала. Видимо, до нее стал доходить весь невеселый расклад.

– Хорошо, семья?

Наташа заревела пуще.

– Что, и о жене бывшей не расспросила?

– А толку? – заступилась я за умственные способности Наташки, – наврал бы с три короба.

– Вы не понимаете ничего! – закатила глаза Ирка. – Спрашивать обязательно надо! Пусть бы и наврал. Но в каждом вранье есть доля правды. В каждом! Человек просто не способен придумать ничего такого, чего не существовало бы в действительности! Так устроен человеческий мозг, чтоб вы знали. Обязательно где-то бы и правду ляпнул. Ой, учи вас всех жизни! Взрослые тетки, а как девочки маленькие – в любовь верят неземную. Люди – сволочи! Особо мужики!

– Не надо обобщать! – возмущенно пискнула я.

– Надо! Для твоей же, дура, пользы! – отрезала Осокина.

Я надулась. Я точно знала, что я, например, не сволочь. И Наташка. Да та же Ирка – не сволочь.

– Нельзя всех под одну гребенку! – настаивала я. – Это ошибочная исходная. Люди – разные!

– Ну да, ну да, – расхохоталась Ирка, – не ты ли свято верила в то, что Антон хороший. А теперь переживаешь. А вот если бы ты с самого начала в корень смотрела...

Я живо представила себе эту жизнь – ту, в которой я с самого начала бы все знала, и поняла, что ее бы просто не было бы, такой жизни. Я ни секунды не смогла бы существовать рядом с Антоном, если бы знала наперед, как все обернется. Нет уж. Я бы сто раз подумала: знать ли мне будущее? С другой стороны, вполне возможно, что меня ждала бы совсем другая жизнь – предрешенная в своей продуманной прекрасности.

Если бы знать, если бы знать, как было бы?

– Короч, – сказала Ирка, потрясая блокнотом, в котором записывала скудные сведения о Наташином муже (пока не бывшем), – работы непочатый край! Я беру на себя обработку паспортных данных, сведений, содержащихся в Государственных реестрах и тому подобное. Встречусь с кинувшим партнером. Ты его хотя бы знаешь?

– Видела один раз...

– Координаты есть?

Наташка замотала головой.

– Так, – сказала Ирка, – придется воровать телефон.

Мы с Наташей с опаской переглянулись.

– А вы как думали, голубицы мои? С самого начала надо было все контакты копировать. А теперь только так – воровать. Нет, ну потом можно и вернуть гаджет. Хотя хмырь, конечно, этого не достоин. Ладно, подумаю, как это сделать. Подумаю.

Ирка прямо сейчас, немедленно и задумалась. Задумалась глубоко. Это Ирке было вообще свойственно – слова и дела у нее не отстояли на большом расстоянии друг от друга, а иногда дела мысли и опережали.

Мы с Наташей притихли и с надеждой смотрели на размышляющую.

– Может быть, не надо все же воровать телефон? – робко предложила я. – Узнать сначала, чем он сейчас занимается? Хорошо бы на его врагов выйти. Есть же у него враги наверняка. Их поддержкой заручиться...

– Враги есть? – сурово спросила Ира Наташу.

– Нет, – пролепетала, – он со всеми дружит, он доброжелательный, хороший...

Осокина несколько секунд с интересом рассматривала Наташку, да и махнула рукой:

– С тобой все ясно. Где он сейчас живет?

– Не знаю, – заревела опять Наташка.

– Кто бы мне послал такое счастье, – Ира молитвенно сложила руки, – мужичка какого-нибудь придурочного? Уж я бы его лапошила-облапошивала бы и в хвост и в гриву. Но нет таких, да. Ты, Наташка, единственная и осталась на белом свете. Ну, вон Ольга – вторая. И то, если ее эта история ничему не научит и она не будет предпринимать превентивные меры.

Я скукожилась. Представила, как роюсь в телефоне Василия, скачивая оттуда всю информацию. Нет! Я не поддамся на Иркины провокации!

– Ладно, – продолжала Ира, – местонахождение Валерия этого мы вычислим, проследим. Найдем негодяя! По биллингу вычислим! Еще мне понадобится его почта. И пароль к ней. Какой пароль?

Наташа молчала.

– Что, пароля не знаешь? – Иркины красивые русалочки глаза расширились от ужаса.

Наташа покачала головой.

– Может быть, ты и пароль от его телефона не знаешь?

Наташа кивнула.

– Ну, вообще, – Ира даже растерялась, что ей совсем было не свойственно, – девочки, ну, как так можно? У меня слов нет! Как же так?

– Я ему верила, – прошептала Наташа и опять заплакала.

Я, кстати, тоже не знаю паролей Василия. И вряд ли буду. Ой, Оля, не зарекайся, не зарекайся...

– Ладно, – сказала Осокина, – есть у меня люди, которые почту могут взломать. Работы – немерено. Но ничего, чтобы вывести на чистую воду негодяя, никаких усилий не жалко. Но очень важные моменты находятся за пределами моих возможностей. Например, город Муром.

Ира замолчала, но посмотрела при этом требовательно. На нас с Наташкой. На Наташку она сразу махнула своей величественной рукой и вперила свой колючий взор в меня.

Я поежилась. Это еще мягко сказано. Меня просто передернуло – и очень сильно! Я прекрасно помнила, как Ирка умеет вовлекать в авантюры². И мне совершенно не улыбалось влезать в очередную. Я хотела, наконец, спокойной, размеренной жизни. Я хотела, наконец, успокоить нервы после развода с Антоном и снова обрести душевное равновесие...

---

² См. роман Марии Мусиной «Квадратные метры хитрости».

Но я посмотрела на Наташку, с надеждой и мольбой простирающую ко мне руки... То есть Наташка просто сидела, без всякой жестикуляции, но вид у нее был жалкий и несчастный. И я, конечно, согласилась. Как всегда, плохо представляя себе, чем мне грозит и во что выльется моя покладистость.

Глава 2

Я вернулась домой, готовила ужин, но думки мои были печальны и далеки от тарелки с салатом.

– Что случилось? – спросил Василий.

У меня была мысль все сразу и честно рассказать ему, но я этой мыслью не воспользовалась. Потому что она, мысль, была отнюдь не соло. А практически в симфоническом сопровождении всяких тлетворных мыслишек, навеянных приключившемся с Наташей и мировоззренческих Иркиных инсинуаций, заронивших все же зерно сомнений в мою душу. Я начала издали:

– Ты меня любишь?

– Конечно, – лаконично ответил Василий.

– А за что?

– Ну-у, ты – хорошая.

– Да. А еще за что?

– Ну-у, ты смешная.

– Сомнительный комплимент.

– Но это – правда.

– Скажи еще: любят не за что, а вопреки.

– Да, так и есть, – охотно согласился Василий.

Я посмотрела на него. Взгляд Василия был прям и решителен. Беспольный, конечно, разговор. Тем более я и сама вряд ли точно сформулировала бы – за что я люблю Василия. А у меня все же больший запас слов в активе, и мысль свою я могу легче формулировать, чем Вася. Даже самую сложную! Но – будем считать: это – арт подготовка.

– А поедем куда-нибудь? – сказала я. – Так хочется съездить куда-нибудь. Хоть бы даже ненадолго...

– Ну, давай, – кивнул Василий, – куда-нибудь в теплые края... Живность Вере оставим.

Вера – это тетка Василия. Сын у нее работал в Америке. И Вера всегда с радостью соглашалась пожить у нас, когда мы уезжали.

«Вот, – подумала я с некоторым превосходством, – а я-то знаю родственников Василия. На всякий случай. Если что...» Но я тут же устыдилась. Нельзя допустить недоверия! Оно сожрет все хорошее и доброе. А с другой стороны – доверяй, но проверяй. Не нами же придумано. И не вчера. Хорошо все же, что люди не умеют читать наши мысли. То есть, может быть, они о чем-то и догадываются, но смутно. А в точности не знают, о чем мы думаем.

– Нет, поедем лучше в Муром, – выпалила я как-то очень нервно.

– В Муром? – переспросил Василий. – Почему в Муром?

Вот тут бы мне и сказать правду. Но я опять притормозилась и сказала загадочно:

– А об этом я тебе расскажу по дороге.

На следующий день, расцеловавшись с Верой, заступившей нам на смену ласкать, любить и потчевать наш зверинец, мы пустились в путь-дорожку. Василий сосредоточенно вел машину, а я заливалась соловьем, доказывая рациональную необходимость нашей поездки.

– Славный город Муром, – говорила я, – родина Ильи Муромца! Ты же хочешь узнать, где рождаются богатыри? Он там тридцать лет и три года на печи сидел, а потом встал с печи – и сразу богатырь! С разбойниками сражался. Кроме того, там жили Петр и Феврония. Знаешь, какой мудрой женщиной была Феврония? О! Ты не знаешь! Однажды на нее пялился какой-то гребец лодки. На лодке они через реку переправлялись. С вождением глазел. А Феврония ему и говорит: «Зачерпни воды из реки и попробуй». Гребец зачерпнул и испил воды. «А

теперь, – говорит Феврония, – зачерпни воды с другой стороны лодки и попробуй». Гребец зачерпнул. «Есть, – говорит Феврония, – разница?» Мол, вот и нечего на меня пялиться.

Но чем больше я рассказывала, тем мрачнее становился Василий. И я, наконец, отважилась спросить:

– Ты не хочешь в славный город Муром?

– Зачем мы туда едем?

– Я же говорю: Феврония...

Василий хмыкнул:

– Предположим, Феврония. Но что еще? Зачем мы заказали гостиницу на три дня?

– Проникнуться духом места. Ощутить.

– Ты вчера с Ирккой Осокиной встречалась?

– Ну. Встречалась. А что?

Но дальше врать и изгаляться было бессмысленно. Пришлось сознаться про Наташку.

– Может, мне поговорить по-мужски с этим Валерой? – рыкнул Василия.

– Вряд ли это поможет.

– Это – как поговорить...

– Нет, – сказала я решительно, – силовые решения – не наш метод. Мы будем действовать с помощью тонких, интеллектуальных маневров. Мы накопим на мерзавца компромат и прижмем его неопровержимыми уликами.

– Стыдить что ли будете?

И в этот момент я горько пожалела, что вовлекла Василия в эту историю. Горько и безутешно пожалела. Потому что Василий был прав: таких, как Коростылев, надо давить, как тараканов. Но, во-первых, это уголовно наказуемо – Коростылев все же не таракан, а полноправный член общества, могущий рассчитывать на защиту всего государственного аппарата. А во-вторых, я не имела никакого права втягивать Василия, провоцировать его. Я же прекрасно знала, во всяком случае, догадывалась, как Василий на эту историю отреагирует. В прошлый раз, например, когда я просила помощи у Василия, дело закончилось стрельбой³. Что ж, придется в дальнейшем скрывать (о! опять!) свои шаги по выяснению истины и восстановлению справедливости.

Я сделала вид, что размышляю над вопросом:

– Ну, как стыдить? Улики должны быть убийственные!

– А если он чист как агнец?

– Ты в это веришь? Чтобы человек был подонком в сорок пять лет и ни разу до этого свое подонство не проявил?

– Да, что-то есть наверняка. Но скорее всего по закону все чисто. А на совесть давить – бесполезняк.

– А зачем ты тогда предлагаешь с ним поговорить? – спросила я настороженно.

Василий хмыкнул.

– Ты имеешь в виду невербальный разговор? – ужаснулась я.

– Нет, ну что ты... Просто не для того Валерий этот твою подружку три года обхаживал, чтобы лапки сложить при первом же требовании.

– Требование требованию – рознь, – надулась я.

Василий снова хмыкнул. Почти всю оставшуюся дорогу мы молчали. Каждый думал о своем. Я-то понятно, о чем. А вот о чем думал Василий – неизвестно.

Гостиничка была очень светлая и опрятная, располагалась в старинном двухэтажном особняке. Дама на ресепшн – приветливая. Василий понес вещи в номер, а я задержалась, расспрашивая Катерину Петровну о местном житье-бытье.

³ Об этом в романе Марии Мусиной «Квадратные метры хитрости».

– Что у вас мэр, давно работает?

– Года три.

Я отразилась в старинном зеркале, висящем в холле гостиницы. Обожаю старинные зеркала! В них – недоступная тайна, которую хочется разгадывать.

– Старинное? – спросила у Катерины Петровны.

– Судя по всему – да. Наш дизайнер приволок откуда-то. Но уверял, что аутентичное.

Услышав сложное слово, я решила не хитрить с этой женщиной. Хитрость моя будет быстро ею разгадана, и я паду в ее глазах (я и сама не люблю, когда со мной хитрят). Поэтому я спросила напрямую:

– А остался кто-нибудь в городе из старой мэрии? Мне очень нужна информация.

И я без обиняков вкратце обрисовала ситуацию.

– Каков мерзавец! – воскликнула Катерина Петровна со слезами на глазах, и я поняла, что заручилась искренней поддержкой доброй женщины.

Мы тут же составили план действий.

– Все же не зря раньше в характеристиках писали: «морально устойчивый, политически грамотный»! Человек, предавший семью, – он и Родину предаст! – напутствовала меня дежурная по гостинице.

Я подняла правую руку со сжатым кулаком: Рот Фронт!

Быстро поднялась в номер, залезла в душ...

Быстро рассказала все Василию, и мы, предварительно созвонившись, помчались на встречу с источником информации.

Катерина Петровна настоятельно посоветовала встретиться с некой Мариной Евстафьевой: «Соседка моя. Уж она-то знает, она на махинациях нашей мэрии собаку съела. Ее даже увольняли из-за этого. Но сейчас опять работает, слава Богу!» В принципе, я и сама изначально хотела к местной прессе обратиться. Но Катерина Петровна назвала конкретную фамилию – за что огромное спасибо. Прийти просто в редакцию, хватать всех проходящих за рукав, расспрашивать – не ком или фо. К тому же мы получили рекомендацию – все той же проникнувшейся Катерины Петровны. А это вообще неоценимо в совершенно незнакомом городе! Все же – как вовремя я посмотрелась в старинное зеркало! Вроде бы случайно. Но правильно говорят (чуть ли не Гегель с Марксом): «Случайность – это непознанная закономерность»! Посмотрелась случайно, а столько сразу прекрасных возможностей открылось. И это – закономерность!

Редакция газеты «Вечерний Муром» тоже располагалась в старинном особняке, что для этого города не примечательно. Весь центр был с историей.

Мы вошли в крохотную комнатку, в которой ютилась редакция, и сразу вышли, увлекая за собой Марину – женщину средних лет. Она-то и была источником информации, получить которую не представлялось возможным в гомоне и суете редакционного помещения.

Добрели до ближайшего кафе. Довольно симпатичного и стильного – все, конечно, на мотив городских достопримечательностей.

Марина скромно заказала себе чай. Непрокрашенные корни волос, самовязанный растянутый серый свитер, нездоровая полнота. Марина была строга. И я не стала рассказывать ей Наташкину историю. Этого дополнительного мотива и не требовалось. При одном только упоминании о Коростылеве В.В. Марина преисполнилась жгучим негодованием. И было от чего!

– Вы наши дорожки видели?

– Видели, – мы с Василием кивнули.

Дорожки здесь те еще, не дороги, а ухабы и рытвины.

– А квантовый структурный преобразователь обошелся городу в двести миллионов! Это три городских дорожных бюджета за три года!

Я зажмурилась. С физикой у меня всегда были нелады. А тем более с квантовой. Смогу ли сейчас понять суть вопроса?

А суть кратко была такова. Предыдущая администрация города четыре года назад заключила договор с ООО «Русский двигатель» на покупку и установку в котельной города квантового структурного преобразователя. Это было гениальное изобретение! Кусок металлической трубы. Труба разделена на две камеры (в патенте они называются диффузор и конфузор). Между ними отверстия (в описании прибора называются «кольцевые канавки»). И все. Весь квант.

Изобретателю за использование гениального изобретения платят до сих пор десятки миллионов в год. Все гениальное – просто! Отопительная система подает в квантовый прибор воду, вода под напором проходит через отверстия-«канавки» и, как гласит патент, пробуждает в металле некие электроны. А электроны эти нагревают всю конструкцию. Такой вот получается отопительный прибор. Прибор (квантовый) должен экономить городу Мурому 30% потребления газа, половина из которых (15%) по договору уходила изобретателю (в денежном эквиваленте).

Но отопительной системе города никакие такие радости не светили. Экономии не чувствовалось. Но изобретателю деньги как шли – так и шли.

Люди стали задавать вопросы. Чиновники, подписывающие договор, разрешения и прочие бюрократические бумажки, необходимые для использования государственных денег, важно объясняли: «При взаимодействии с водой горячие электроны отдают свою энергию и перестают быть горячими, но, поскольку контур заземлен, концентрация «горячих» электронов в нем восстанавливается за счет взаимодействия с энергетическим электронным спектром Земли (наша планета в данном случае выступает в роли огромного электроконденсатора). И получается практически бесконечный источник энергии...»

– Но это же развод чистой воды!

– Да, – понуро согласилась Марина, – но наш суд – самый гуманный в мире – так не считает. Уже новая администрация и в суд подавала, и Ворсобин из «Комсомолки» об этом писал... А город как платил проходимцу миллионы – так и платит! Все бывшие чиновники, с этим проектом связанные, особняков себе настроили – будь здоров. Видать, щедро делится «изобретатель».

– Чудеса! А Коростылев здесь каким боком?

– Как же, как же! Главный радатель квантового чуда. И вот что обидно: Муром – его родной город, он здесь родился, вырос. Он прекрасно знает, как люди здесь живут, – и обирает их. Совести нет совсем!

Я потирала руки (виртуально). Ну, конечно, как я и думала! Ничего ниоткуда не берется. Не может человек вдруг, на ровном месте стать подонком. Обязательно есть «этапы большого пути». Всенепременно!

Марина пылала праведным гневом, рассказывая о махинациях городской администрации. Мы с Василием в общем-то тоже. А как тут не пылать?

– Вы его лично знали, Коростылева этого? – спросила я.

– Да, сталкивались. Мерзотный, скользкий тип. Лицемер. Обожал на митингах выступать – за Россию речи толкать. Но народ-то все видит. И особнячок его тоже на виду.

– Ушел со скандалом?

– Нет, вполне себе тихо-мирно. Команда поменялась, и Коростылев просто пропал с радаров. Говорят, наезжает иногда. Но уже – не при делах.

– А семья?

– Ой, там такая мадам была...

Я попросила адрес особняка Коростылева.

– Только там сейчас никого нет скорее всего, – сказала Марина, – мадам в Лондоне с сыном. Только охрана и прислуга на месте.

Мы попрощались.

– И, пожалуйста, – строго сказал Василий, – никому не говорите о нашем разговоре. Ладно?

Последнее слово прозвучало, прямо скажем, нехорошо, с угрозой. И Марина тоже это почувствовала. Я постаралась улыбнуться. Но получилось как-то криво.

На крыльце кафе попрощались с Мариной. Она пошла от нас, такая сгорбленная, в своем дешевом коричневом пальтишке с воротником из искусственного меха. Борец за правду и справедливость отдельно взятого маленького города. Некрасивая и неухоженная в спа-салонах. А ведь могла бы подсуетиться – писать хвалебные оды квантовому чуду. Глядишь, и ей что-нибудь обломилось бы от чуда этого.

– Что теперь? – спросил Василий.

Я молчала.

– Пригласим ее на ужин, – буркнул Василий.

– Подачка жалкая с барского плеча. Нужны мы ей. Ладно, едем к особняку Коростылева. На месте решим, что делать.

Особняк был выстроен нарочито богато. Было ясно, что никто в нем тайно не жрал черную икру под подушкой, скрывая несправедливые доходы. Все – напоказ.

«Что придумать? – лихорадочно думала я. – Что придумать? Как войти в дом? Посылка? Письмо?»

– Поехали обратно в гостиницу!

– Ты сначала делаешь, а потом думаешь, – ворчал по дороге Василий.

– Зато я это делаю! – огрызнулась я. – Думаю, в смысле.

Хорошо, что такси не успело далеко уехать.

Катерина Петровна любезно разрешила воспользоваться компьютером. Я быстро сочинила текст и даже «шапку» бланка. Здесь же и распечатали.

Такси нас дождалось, не нарасхват был этот вид транспорта в старинном дремном городке.

На массивных воротах коростылевского особняка прямо под камерой наблюдения зиждился звонок. Я нажала кнопку. Звук не последовало. Но через короткое время откликнулся голос:

– Слушаю вас.

– Федеральная служба судебных приставов! – провозгласила я.

Василий рассматривал меня с интересом. Тот, кто наблюдал за входом, видимо, тоже. Щелкнула щеколда калитки. Стараясь шагать уверенно, по хорошо расчищенной от снега дорожке, я потрусилась к дому. Не оборачивалась, но чувствовала, что Василий ни на шаг не отстает. Это придавало уверенности.

На пороге нас ждал человек в камуфляже. Я достала свое красное удостоверение помощника адвоката⁴ и помахала им перед носом охранника:

– У меня повестка гражданину Коростылеву Валерию Валерьевичу. Могу я его видеть?

– А в чем дело? – довольно миролюбиво поинтересовался сторож.

Я смерила его суровым взглядом и присовокупила:

– А вы кто?

Охранник перевел взгляд на возвышающегося за моей спиной Василия и предпочел ответить:

– Сергей Сергеевич Борисов. Частное охранное предприятие «Заря».

– Это там что ли, где Лешка Зотов подвизается? – радостно воскликнул Василий.

---

⁴ См. роман Марии Мусиной «Квадратные метры хитрости».

– Алексей Семенович Зотов – наш директор, – степенно, но не без удивления ответил Сергей Сергеевич.

Василий совершенно не к месту хлопнул служивого по плечу:

– Привет передавай при случае. От Васи Сугроба. Он помнит. Такое не забывается.

– Как тесен мир, – мрачно заметила я, – однако это не снимает с меня обязанности вручить хозяину повестку.

– Хозяин в отъезде.

– Близкие родственники?

– Тоже в отъезде...

– Я должна немедленно связаться либо с хозяином, либо с родственниками. Супруга где? Координаты мне были выданы.

Василий молча протянул мне свой телефон. Я кивнула. Конспирация никогда и никому не мешала. Хотя в данном случае это та еще конспирация. Нашу парочку вычислить – как нечего делать. Василий прав сто раз: надо сначала думать, и очень тщательно! Если бы я соображала – взяла бы телефон с какой-нибудь «левой» симкой. Но я не этого не сделала.

Валерию я, разумеется, звонить не стала. Набрала жену Нинель Ивановну, как выяснилось.

– С вами говорит старший судебный пристав буль-буль-буль, – я постаралась как можно невнятнее произнести придуманные имя и фамилию, – у меня предписание вручить Валерию Валерьевичу Коростылеву постановление о назначении ему алиментов на содержание Ерохиной Галины две тысячи двадцатого года рождения в пользу Миранды Игоревны Засохиной.

Я замолчала, желая насладиться эффектом. И он был!

– Подонок! – выдохнула Нинель Ивановна.

Я согласно кивнула.

– Мерзавец! – присовокупила жена Валерия.

Судя по всему, никакая она не бывшая жена. Мало ли что там в паспорте, какие штампы стоят. Отношения есть, здесь нет сомнений.

– Вы можете сфотографировать постановление и послать мне по ватсапу? Вот по этому же телефону.

– Хорошо, – без запинки согласилась я, предвкушая семейный скандал. (Так ему и надо, обманщику вероломному.) – Но где мне все-таки найти гражданина Коростылева В.В.? Он срочно нужен! Иначе мы объявим его в международный розыск!

– Он сейчас в Москве, – и мне были назван точный адрес проживания Валерия.

– Очень хорошо! – сказала я. – Спасибо за вашу гражданскую позицию. Дети не должны голодать из-за безответственности скрывающихся папаш!

– О-о-о! – раздалось в трубке.

Видимо, Нинель уже лезла на стенку, мечтая о разборках с благоверным.

– Я сейчас вам все отправлю, – сказала я и отключилась.

Я действительно сфотографировала свою бумагу и переслала ее в далекий Лондон.

– Так, – я пристально рассматривала окружающую обстановку (при таких-то деньжищах картины на стенах могли бы быть и повысокохудожественнее, а не эти вот лебеди на фоне мутного пруда), – сегодня мы описывать имущество не будем. Но хотелось бы взглянуть на документы на дом. Они у вас есть?

В принципе, кому принадлежит этот дом – можно было бы узнать и в Росреестре. Но поскольку пока все складывалось удачно – надо было ковать железо.

Охранник стоял в растерянности.

– Вы слышали? – сказала я строго. – Нинель Ивановна крайне заинтересована в соблюдении законности и правопорядка.

Охранник молчал. Я тоже. Поскольку, как человек искренний, в сущности, совершенно не была уверена в своих словах.

– Покажи, – подал голос Василий, – и договор на охрану дома.

– Да, – подтвердила я, – и договор.

Сторож поднес к губам рацию. В моем мозгу одна за одной ярко вспыхивали душераздирающие сцены: появляется полиция, нас разоблачают как самозванцев, заламывают руки и с позором препровождают в участок. Долгое изнурительное разбирательство. Уголовное дело за незаконное вторжение в частные владения. Суд. Наш невнятный лепет...

Но сегодня был удачный день! Охранник Сергей всего лишь попросил какую-то Зою принести документы на дом и договор на охрану объекта.

Бумажки нам на фиг были не нужны, но я обрадовалась Зое, их принесшей, как восходящему солнцу. Внимательно изучила документы, сфотографировала телефоном.

– Как долго здесь не появлялся гражданин Коростылев? – я постаралась вложить в свой голос всю сущность непоколебимого принципа неотвратимости наказания.

Охранник и горничная переглянулись.

– На прошлой неделе? – спросила Зоя.

Сергей кивнул.

– Та-ак, значит, гражданин Коростылев все же здесь появляется! И вы укрываете злого уклониста от алиментов? Интересно, интересно...

– Когда должен появиться в следующий раз? – спросил Василий.

– Вообще-то сегодня хотел. Но он нам не докладывает, – обиженно сказала Зоя, – мы-то тут при чем?

Мы с Василием переглянулись.

– Значит так, – грозно пророкотал Василий, – мы гражданина ждать не будем. Нас ждут другие дела. Но вы сообщите гражданину, что мы еще вернемся!

– Несомненно, – поддакнула я.

– Оставьте бумагу, – неслось нам уже в спину.

– Не имеем права, – не оборачиваясь, заявила я, – только в собственные руки!

Сдерживая желание пуститься вскачь, мы с Василием степенно отдалились от особняка на приличное расстояние. Странно, конечно, что судебные приставы прибыли при исполнении не на служебной машине.

– Откуда ты знаешь этого Зотова? – спросила я.

– Ниоткуда. Когда первый раз приезжали – посмотрел на ворота. Там табличка висит: «Охраняется частным охраным предприятием «Заря». Пока ты в гостинице бумажку стряпала – посмотрел в интернете, кто там главный.

– Ну, ты и жук, – восхитилась я.

– Ты тоже та еще жучица.

– Мы – пара, – согласилась я.

– А то. Зачем ты эту историю с алиментами придумала?

– Не догадываешься? Чтобы мерзавцу жизнь отравить. Пусть пооправдывается перед родной женой.

– Может быть, ей наплевать глубоко.

– Не может. Видишь, Коростылев появляется здесь регулярно. И отношения у него с женой вполне взаимозависимые. Просто подлец поехал в Москву на отхожий промысел, так сказать. Дурочек разводить типа Наташки.

– Тебе ее не жалко?

– Наташку жалко, конечно.

– Нет, жену.

– Ничего. Пусть тоже пострадает. Не верю, что она не знает – не догадывается о махинациях мужа с квантовой физикой. И думает, что в нашей стране каждый зам мэра, честно выполняющий свою работу, может позволить себе такой дом. И пусть гад Валерий ощутит несправедливость бытия...

Мы брели по не чищенному от снега тротуару.

– Нет в городе Муроме киргизских гастарбайтеров, – чертыхнулся Василий.

– Денег нет. Не думаю, что здесь все хорошо с работой. Местные тоже могли бы почистить. И постоянных работников нанимать не надо – вопрос только в организации. Кинуть клоч, собрать людей, обозначить фронт работ. И вот тебе – чистые тротуары.

– Но этим же заниматься надо.

– Вот именно.

Добрались до центра, забились в ресторанчик. Вроде все складывалось удачно, все выяснили, что хотели. А на душе кошки скребли, муторно было на душе. Не елось – не пилося. Мне. А у Василия, напротив, аппетит проснулся зверский (видимо, я его все же недокармливаю). Заказал борщ с пампушками, увесистый кусок мяса и графинчик водки. Я поразмыслила и все же тоже борщ съела. Правда, без водки, что, наверное, несколько умалило вкус первого блюда. Я вообще-то лучше борщ варю. Если варю, конечно. Вот именно.

– В принципе завтра можем ехать, – сказала я, – в принципе, мы все узнали. Даже город посмотрели путем пеших прогулок и разъездов туда-сюда.

– Давай еще останемся на денек?

Ну что ж. Ирке настрочу вечером подробный отчет. А об ее изысканиях могу и послезавтра узнать – Ирка не очень-то любит письменные жанры.

Мы вышли на морозный воздух, прошлись по улице.

– Не оборачивайся, – сказал вдруг Василий.

Я, конечно же, обернулась. Двое прохожих следовали за нами на почтенном расстоянии.

– Ты думаешь?..

– Однозначно. Поедем-ка мы сегодня.

– Ты водки выпил.

– Ну, ты-то не пила...

– Нет, давай переночуем хотя бы. А то еще подозрительнее получится. Типа – сматываем удочки в темпе.

Но «прохожие» мне тоже не понравились. Они проследовали за нами до гостиницы. И остались стоять на противоположной стороне улицы, переминаясь с ноги на ногу. Холодно все же.

– Едем, – решительно сказал Василий.

Мы поднялись в номер. Я твердо встала на путь исправления и решила сначала подумать, прежде чем что-то предпринимать.

– Напороться на погоню на пустой ночной дороге – не слишком лакомая перспектива, – делилась я сомнениями с Василием.

– А если они стукнут в правоохранительные органы? Знаешь, вторжение в частные владения, да еще под видом государственных служащих...

Да, не хотелось бы такого разоблачения.

– Не спеши! – мне очень понравилось все тщательно обдумывать, и я делала это со всем размахом неофита. – Поспешность нужна для ловли блох. Мой предыдущий опыт борьбы с мафией и коррупцией⁵, а ты знаешь – он у меня есть – подсказывает мне, что никто никуда не обратится. Официально во всяком случае. Здесь никому шумиха не нужна. Вовсе даже и совсем не нужна.

---

⁵ См. роман Марии Мусиной «Квадратные метры хитрости».

– Да, – согласился Василий, – скорее всего, просто присматривают: с кем мы еще будет встречаться.

– Вот именно. Можно доставить им завтра радость и встретиться еще с кем-нибудь. Сбить их с толку!

– А если, – начал Василий, но я его перебила:

– Никаких «если». О местном квантовом чуде знает весь город, а также центральная пресса в курсе. Это не секрет. Ну, да, зачем-то поперлись в особняк Коростылева, да еще по дурацкому поводу. Подумают: бабские дела, какая-то баба хочет денег срубить.

– Если бы ты мне сразу сказала – поехали бы на какой-нибудь другой машине. Или номера бы другие навинтил.

Я погладила Васю по голове и подумала, что больше ничего ему не буду рассказывать об этом деле. Нечего его впутывать. Я просто не имею на это права – впутывать Василия в эти разборки. Он мне, в конце концов, дорог. Причем – на свободе.

– И с чужими паспортами явились бы в гостиницу, да. Василий, не усложняй и без того непростую ситуацию. Если захотят нас вычислить – вычислят. Спасибо тебе, конечно, за телефон, его номер может несколько запутать интересующихся, но ненадолго.

В общем, мы решили никуда не ехать и на следующий день, а, как и хотели, побродить по городу, подивиться на местные красоты.

Утром поболтали с любезной Катериной Петровной. И сразу прошли к Оке. Заснеженная река навевала мысли о непрерывающемся движении времени – река неспешно несла свои воды и при Илье Муромце, и при Иване Грозном, и при Петре с Февронией.

Мы никогда не хохотали с Василием, как в тот день в Муроме, подвергаясь слезке и опасности. Нас смешило буквально все: кот, свернувшийся калачиком в окошке; улица Автодора, Вишневая улица и Июльская; улицы Медовая и Луговая, Радужная и Совхозная; грозный человек в костюме Ильи, разумеется, Муромца, размахивающий мечом и призывающий при этом посетить местный краеведческий музей; и стаи толстых голубей повсюду; и малюсенький киоск под названием market; и парень в красной ушанке...

Но не зря в нашем народе бродит примета: много смеяться – не к добру. Знает наш народ, что к чему. Разбирается. Потому такой настороженно-неулыбчивый – всегда подвоха ждет. И подвох случился. Это – мягко говоря. Вообще-то это был целый подвохище.

Сумерки. Мы бредем по улице. Настроение у нас – лучше некуда.

И тут нам заламывают руки и запихивают в машину. Мне показалось, что это танк. Но то был всего лишь огромный минивэн. Везут куда-то, мне показалось недолго.

Василий пытался сопротивляться. Ему дали по морде (и не только), защелкнули на руках наручники. Я вообще-то тугодумка, до меня не сразу дошло, что происходит. Но даже если бы и дошло – что толку? Превосходящие силы противника не оставляли выбора.

И вот уже мы входим в какой-то особняк, судя по всему, загородный. Ну как входим? Нас грубо подталкивают люди сзади, и мы с трудом удерживаем равновесие от этих толчков.

Я все время смотрю на Василия, Василий смотрит на меня. В его глазах нет страха – только злая решимость. Что Василий читает в моих? Обреченность?

Нас вталкивают в комнату. Вернее в комнатичку. Помещение огромное, явно жилое, и у меня мелькает луч надежды: это не тюрьма. Мелькает и гаснет – ввиду своей бессмысленности.

– Ну, что, кто тут привет мне передавал? – человек подходит к нам лениво, враскачку.

Блин, вот, действительно, не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

– Алексей Семенович Зотов? – напрягаю я свою слабую память. – Как тесен мир!

– Брателла, почему такой неласковый прием? В чем дело? – сипит Василий и тут же получает кулаком под дых.

– Эй, полегче, – вякнула я, – что за беззаконие? Объясните хотя бы за что?!

Меня бить не стали. Зотов просто подошел ко мне вплотную и стал внимательно меня рассматривать. А я – его. Довольно стандартный типчик для охранных предприятий – челюсть, короткий бобрик волос, перебитый нос, сломанные уши.

– Вы бы лучше проявили естественную в данном случае любезность, – промямлила я, – и поинтересовались, почему именно вам передают привет, а не кому-то другому.

– Ну, излагай, – кивнул головой Зотов.

Я взяла мхатовскую паузу, но Зотов был явно не знаком с этим высокохудожественным приемом. Потому что опять с размаху ударил Василия кулаком в лицо.

– Прекратите рукоприкладство, – строго пискнула я, – это вам даром не пройдет! Василий – бандит. И кличка его – Сугроб! Чтоб вы знали. А если не знаете – поинтересуйтесь у сведущих людей, чем вам это грозит!

Зотов расхохотался. Но довольно натужно. Все же какие-то сомнения зародились в его бритой голове.

– Ты кто? – спросил у Василия.

– Я – Вася Сугроб. А ты кто? – взревел Василий.

И так это у него убедительно получилось (рык имею в виду), что Зотов не ударил его на этот раз. А кивнул своих подручным, и нас опять куда-то повели.

Привели. Это был подвал с абсолютно голым полом и стенами. Как только закрылась дверь и лязгнули засовы, я кинулась к Василию. Лицо его представляло собой сплошное месиво. А у меня даже не было с собой обширного содержимого моей сумки на все случаи жизни, сумка куда-то делась во время нашей транспортировки. Нечем было стереть кровь, продезинфицировать раны. Я стала облизывать лицо Василия. Как собака.

Еще я плакала. Слезы лились сами собой. Василий прижался ко мне. Руки у него по-прежнему были за спиной скованы наручниками.

– Прости меня, – сказал Василий.

– И ты меня прости, – сказала я.

Мы сидели на холодном каменном полу целую вечность, как мне показалось.

Наконец открылась дверь. Нас опять куда-то повели, а потом повезли. Но как-то слишком вежливо обращались. «Везут на казнь», – мелькнуло в голове. И не хотят напоследок отягчать свою душу лишним грехом. Зачем хамить обреченным?

О! Нас привезли в ресторан. Василия – прямо в наручниках. Едва мы шагнули через порог, как на Василия обрушился какой-то здоровенный мужик.

– Вася, – орал он, – Вася, брат! Как я рад тебя видеть!

Мужик просто-таки тискал Василия, поднимал не такую уж легкую его тушку. При этом совершенно не обращая внимания на Васину избитость и наручники. Как будто так и надо. Как будто это Васино естественное и всегдашнее состояние: морда в синяках и ссадинах и наручники за спиной.

В другое время я бы снобистски отшатнулась от таких «друзей». Но сейчас чистоплюйству не было места. Я обрадовалась хоть какой-то доброжелательности.

С Василия сняли наручники. Оковы, можно сказать, пали.

Зотов понуро извинился. Мне так и хотелось пнуть его ногой, но я сдержалась, хотя и с трудом.

После холодного подвала мы оказались в чарующем мире хрустящих скатертей, аппетитных запахов и приветливого окружения.

– Так надо было сразу сказать, что ты мой братан. Поскромничал, поскромничал, – басил «братан» Василия, которого звали, как выяснилось, Гоша.

«Бойцы вспоминали минувшие дни», я краем уха слушала, а думала о том, что не всегда нам так будет везти, о том, что противоправные авантюры надо прекращать и строго следовать букве закона, а не нарываться на всякие «непонятки». Можно сказать, мы легко отделались в

данном случае. Совершенно не обязательно Гоша мог значиться в знакомых Зотова, и тогда наша участь была бы печальней некуда. Но нам опять помог случай. Та самая случайность, которая непознанная закономерность. Но все же в дальнейшем – не стоит на нее надеяться.

Вдоволь навспоминавшись, мужики перешли к дню сегодняшнему:

– Каким ветром занесло в наши края? Какой интерес?

– Да человеком одним интересуюсь. Коростылев по фамилии.

– Кормилец наш! – ласково сказал Гоша. – Тут полно народу кормится с его идеи квантового структурного преобразователя. А ты внедрить хочешь? Шикарное изобретение! Все в шоколаде будут.

Мы с Василием переглянулись. И не стали дальше развивать тему. И так все ясно. Дружба дружбой, а табачок – врозь.

Возвращались мы в Москву в некотором унынии. Катерина Петровна, провожая нас, всплакнула.

– Так ничего и невозможно поделат с этим квантовым? – сказала, не задав ни одного вопроса по поводу синяков на лице Василия. – Я так и думала. Но спасибо хоть, что попытались...

Глава 3

– Да-да, – сказала Ирина, выслушав мой доклад по итогам поездки в Муром, – улов богатый.

Правда, она при этом скосила свои красивые русалочьи глаза так, как если бы я с лентой зачитала ей заметку из вчерашней газеты. А между тем меня до сих пор потряхивало от воспоминаний о подвале и допросах с пристрастием. Не хочу больше платить такую цену за информацию.

У самой-то Ирки результат активной жизнедеятельности был заметно скромнее.

– Как там с кражей телефона? – не без ехидства спросила я.

– Пока почту только взломала. У Валеры этого сейчас амур с одной жужей. Я ее на фейсбуке нашла. В кудряшках блондинка.

Жужами мы с Иркой обычно называли восторженных, слегка приторных, пустых блондинок. Возможно, в этом момент нам изменяла женская солидарность, а может быть, и самокритичность. Мы-то считали, что мы не такие. А вдумчивые, глубокие и одухотворенные.

Ира повернула ко мне монитор. Да, блондинка вполне блондинистая. Можно даже сказать: чистой воды блондинка. У Наташи взгляд гораздо осмысленнее.

– Интересно, любовь или очередной развод? В смысле развод кроликов?

– Судя по тому, что жужа постит все время путешествия и еду – не бедная.

– Наташе только не говори, – спохватилась я.

– Почему? Пусть злее будет.

– Не говори. Пусть сама как-то узнает.

– Узнает обязательно. А нас рядом не будет. Так-то мы ее поддержать можем, настропа-лить на борьбу. Борьба, знаешь ли, отвлекает от раздрыганных чувств.

Я колебалась: сознаваться ли Осокиной, что Василий предлагает поговорить с Валерой по-мужски. Не сказала. Побоялась, что Ирка ухватится за эту идею и ее придется воплощать. Ирке-то Василия не жалко, подставит еще мужика. Но Ира словно прочла мои мысли:

– А пусть Василий с Коростылевым поговорит. Прижучит как следует быть.

– Нет, Ир, как выяснилось у Коростылева защитников много. Ему есть чем ответить на силовые методы. И потом, не хочу толкать Василия на скользкую дорожку. Ему и так досталось уже.

– Он тебе дорог, – саркастически кивнула Ирка.

– Да! – сказала я с вызовом. – Дорог!

– Помнится ты и с Антоном так же носилась. Ду-ше-чка, – по слогам выговорила Ирка.

– Зачем напоминаешь?

– Да потому что ты на те же грабли наступаешь! Юзать их надо, мужиков, юзать! Тогда потом не так обидно будет.

– Хватит!

– Что «хватит»? – передразнила Осокина. – Если бы ты меня слушала...

Мне не хотелось пускаться в мировоззренческие дискуссии, тем более с Иркой. Она все равно меня переспорит. Ее жизненная концепция тверда, конкретна, постоянна и непоколебима. А моя – расплывчата и зиждется на сиюминутных ощущениях.

– Кстати, твой Антон со своей новой кралей к нам приходил, – сказала Ирка и отвела глаза.

Я молчала. Антон и Ирин муж Кика, Кирилл Осокин – друзья детства. Кика, кстати, и мой друг детства, как и Антон. Не то чтобы я считала, что если мы с Антоном расстались – Кика и Ирка тоже должны перестать с Антоном общаться. Но мне было неприятно. Наверное потому, что расстались мы с Антоном не по-хорошему. И Кика с Ириной это прекрасно знали.

И все же принимали Антона с новой женой. С другой стороны, Ира – совсем не первая жена Кики. И я дружила со всеми его женами. Возможно, им тоже было не очень-то приятно, что я с каждой женой дружу. Я молчала. Мне нечего было сказать.

– Тебе не интересно, что там за Лена? – Ирка все еще не поднимала на меня глаз.

Все же ей тоже было неловко. Ну, хоть так.

– Я видела эту Лену, как облупленную, – сказала я, – ты фото не помнишь? Лично мне с ней все ясно.

– Ты знаешь, ты – лучше, – безрадостно констатировала Ира.

Я не была уверена, что Ирка искренне это говорит. Вполне вероятно, что просто хочет мне потрафить. Что, конечно, на Ирку совсем не похоже. Но в сложившейся ситуации она вполне могла не хотеть обострения отношений со мной.

– В конце концов, жизнь продолжается, – мне не хотелось, чтобы Ира чувствовала мою обиду.

– Нет, ну, правда. Ты в курсе, что она котиков породистых разводит? Плодит их. На продажу. У нее сейчас восемнадцать котиков вместе с элитными котятами. У них, то есть. Живут в большом загородном доме.

– Вместе с котиками? – усмехнулась я.

– Это обалдеть! Ты только представь! Двадцать восемь котиков!

– Ты говорила восемнадцать.

– Это уже не имеет ровно никакого значения – восемнадцать или двадцать восемь. Если учесть, что из мочи котов выделяют фермент и используют в самых дорогих французских духах – для стойкости. Запах годами держится.

– Котики очень чистопахнущие. От Оди, например, не пахнет.

– Среди восемнадцати котиков обязательно найдется хоть один гаденыш, который мимо горшка писает. К тому же они не кастрированные – их же плодят. Их много, а территорию метить надо – самоутверждаться.

– Ир, веришь? Я этого Антону не желала.

– Конечно, верю. У тебя на такую муть фантазии не хватило бы!

Я улыбнулась. Осокина воодушевилась. Ей удалось растопить мое сердце, заглазить двусмысленность. И она решила закрепить успех:

– И говорит: «Я ж теперь живу в элитном поселке в коттедже». Это Антон говорит. Нам с Кикой. Ну, ты представь только. Этот мальчик из хорошей интеллигентной семьи – и вдруг: «Я ж теперь живу в элитном поселке в коттедже». Как будто он на конюшне родился и выбился, наконец, в люди.

Мне стало грустно. Очень грустно. Очень-очень. Все же я с Антоном прожила десять лет как с мужем. А знакомы мы и того больше. А теперь это – чужой муж. И живет с двадцатью восьмью племенными котиками, ну, хорошо, пусть с восемнадцатью...

– Чего ты? – встрепелась Ира.

– Мне его жалко, – сказала я честно.

– А мне – нет, – отрезала Ира, – и еще все время говорит, как он счастлив. «Я, говорит, мечтал об этом всю жизнь!» Тьфу! Противно. Розовые сопли. Счастлив он!

– То есть он жил со мной, а мечтал вот об этом? Венчаться в клетчатом пиджаке?

– Ну, ты не расстраивайся.

– Куда уж мне. Как странно, что Антон прожил со мной столько лет. Представляю, как мучился.

– Если бы у тебя не завелся Василий – до сих пор мучился бы. Ха-ха. Мучился он. Зато сейчас – по заслугам получил.

– Ладно, я Антону зла не желаю. Пусть с ним. Грустно, когда разрушается жизнь. Даже если потом другая жизнь складывается хорошо – все равно грустно. Но давай о Наташке. С

квантовым структурным преобразователем Коростылева уже можно начать прижимать, – вернула я разговор в деловое русло.

Ире явно хотелось еще пообсасывать подробности нынешней жизни моего бывшего мужа. Но она внимательно посмотрела на меня и тоже перешла на деловую волну.

– А что прижимать? Если даже суд – суд! – признал: все законно. Да Валера этот рассмеется нам в лицо! Он – прогрессивный хозяйственник, а мы – замшелые клязницы. Нет, надо дальше копать. Вытащить на белый свет что-нибудь актуальное. Наверняка Коростылев и сейчас что-то мутит. Не может не мутить. Он нигде не служит. Дрыхнет до полудня, потом фитнес центр, потом ресторан с жужей. А на какие шиши, спрашивается? Значит, есть у него какой-то доход скрытый, как пить есть. На Наташкины деньги, небось, и организовавшийся доход.

– А по поводу Антона, – ни с того ни с сего сказала я, – ты не права. Когда-то он был вполне приличным человеком.

– Ха-ха! – мрачно сыронизировала Ира.

– И потом дело не в Антоне. А во мне. Это я не хочу видеть в каждом предателя. Заранее причем.

– Ну да, ну да, типа ты – светлая душа, а я исчадь. Только почему-то так получается, что права всегда я. А ты со своей светлостью все время в дурочках.

Я задохнулась от возмущения. Чего это я в дурочках? Ну да, неприятно сейчас вспоминать об Антоне. О двадцати годах жизни с ним. Да, я Антона всегда защищала. Но как могло быть иначе? Как бы я с ним жила, если бы не считала его благородным человеком?

Иркина прозорливость, конечно, имеет место, и если ей следовать – Иркиной концепции – ты вряд ли неожиданно попадешь впросак. Просто потому, что ты все время будешь в нем. Будешь во всех видеть одни недостатки. Бр-р. Быть каждую секунду начеку – очень расшатывает нервы. В этом нет конструктива. На мой распахнутый характер – так вообще непонятно, как существовать в вечном подозрении и настороженности. Нет, моя нервная система этого не выдержит. Таких, как я, не берут не только в космонавты (у меня вестибулярный аппарат очень слабый, укачивает постоянно в транспорте), но и в разведчики не берут...

Я вспомнила, о чем говорили Василий и его дружка Гоша в Муроме. Залихватски воспроизводимое памятью этих товарищей свидетельствовало об очень сложноподчиненных отношениях с законодательством, причем не только административным, но и уголовным. И что? Я должна отступить теперь в ужасе от Василия? Пренебречь возникшими между нами чувствами и коротать свою жизнь в ожидании законопослушного ботаника на белой мыши?

– Короч, – строго сказала Ирка, – надо рыть дальше.

«Нет, – додумала я свою мысль, – я буду жить настоящим, а не прошлым и будущим».

А вслух сказала:

– В каком направлении?

– Надо выйти на компаньона Валерия, который его кинул. Если кинул – это не обязательно означает, что он плохой. Возможно, очень даже хороший, а плохой Валерий. И вообще – это по версии Валерия его кинули. В действительности все могло быть не так и даже наоборот. Неизвестно, что там произошло. В любом случае, на этого человека надо выйти, поговорить с ним, разузнать о нем.

– Ну и...

– Что «и»? – вспылила Осокина. – У меня имеется список номеров телефонов, по которым Коростылев звонил в последние полгода. Но их миллион. Как их проанализировать? У меня голова – не компьютерная бочка какая-нибудь, а чуткий, тонкий орган мыслительных процессов.

– Ну и...

– Надо Наташку еще раз допросить, – сказала Ирка, – вообще это – безобразие! Мы тут ноги стерли до колен, рыща в поисках сведений о ее благоверных, а Наташка пребывает в страдательной неге.

Ира в ярости схватила телефон:

– Значит так. Немедленно! Незамедлительно едешь на Тверскую! Мы тут с Ольгой сидим в кафе, и ты нам нежна!

– Приедет? – спросила я.

– Куда она денется? Все же Наташка – основной источник сведений. Да, плохонький источник, но уж какой есть. Сейчас мы ее прижмем – пусть вспоминает все подробности, все детали, все нюансы. А как бывшая Василия? – ни к селу ни к городу спросила Ирка. – Тебя не донимает?

– Нет, – пожалала плечами я.

– Это подозрительно, – прищурила глаза Ирка, – за хорошего мужика бабы борются не на жизнь, а на смерть. Зенки друг дружке выколупливают. Ну, за никудышненьких, конечно, нет. Кому они сдались? Никудышненькие-то?

Вот опять Ирка права. Я как-то даже не думала в этом направлении – о прошлой личной жизни Василия. А ведь она была! То есть – точно была.

– Может, женщина приличная, – поджала я губы, – вот и не устраивает разборок.

– Ой-ой-ой, – захотела Ирка, – где ты их видела-то, приличных?

– Вот мы, например, – не сдавалась я.

– Ну. Только вдвоем и остались – ты да я. Но она ж – не мы – бывшая твоего Васи драгоценного.

Аргумент был непробиваемый.

– Ты хоть разузнай, – наставляла Ира, – ушами-то по ляжкам себя не хлопай, расспроси в хорошую минуту: что да как, откуда и почему и куда. А то будешь потом, как Наташка какая-нибудь, сопли на кулак мотать. Заранее готовиться надо!

... К тому времени, как появилась Наташа, я уже, ужаленная Иркиным ядом, подзуживаемая ее сентенциями здравомыслия и осмотрительности, готова была все бросить и бежать пытать Василия с пристрастием (возможно, используя методы вербального устрашения). И только расстроенный Наташкин вид остановил меня – пришлось успокаивать ее, а не себя.

Многословно выразив свое сочувствие, мы допросили Наташку подробно. Но Наташа до такой степени была не в курсе дел своего дражайшего Валерочки, что я светло позавидовала ей – по всему было видно, что все эти три года Наташка была по-настоящему счастлива.

– Ты с адвокатом связалась? С Наташей?

Тезка Наташи – адвокат Наталья Замятина. Когда-то она наняла Иркино детективное агентство «Чистая вода» помочь в расследовании квартирных афер. Да, часто адвокатам приходится вести свое собственное расследование, если правоохранительные органы бездействуют! Потом Замятина мне помогала, когда я влезла в то дело, как кур в ошип, и меня обвиняли в убийстве! А Ирка – ренегатка – в это время тюнинг наводила, пластическую операцию лица делала. Но это – отдельная история.⁶

– Да, – кивнула Наташа, – спасибо. Наталья сказала, что квартиру мою отобьет, скорее всего. А все остальное...

– Хотя так, хоть бомжихой не станешь, с твоей-то верой в людей всеобъемлющей, – съязвила Ирка. – А теперь вспоминай подробно, кто у вас бывал дома? С кем вы встречались? Какие разговоры по телефону слышала? Как называл собеседников?

Наташка ничего толком припомнить не могла.

– Компаньон, компаньон этот, кто он, как зовут?

---

⁶ См. роман Марии Мусиной «Квадратные метры хитрости».

– Борис, по-моему, – неуверенно сказала Наташа, – да, Борис. Евсей. Евсеев, наверное.
– Ты говорила о рыбном ресторане. Этот Евсей ресторан отжал?
– По-моему, да, – нерешительно кивнула Наташа.
– Что значит «по-моему»?
– У Валерия было много проектов одновременно!
– И что? – вылупила глаза Ирка. – Ты о них толком ничего не знаешь, об этих проектах? Нет, ну дураков и в церкви бьют, как говорила моя бабушка. Так надо наведаться в этот ресторан. Рыба, правда, мороженая – а где в Москве другую взять? – невкусная. Помещение, говоришь, твой Валера выкупил? На твои, между прочим, денежки. А тут его и кинули. Как все удачно сложилось, как удачно... Какой хоть ресторан? Название помнишь?

– «Рыбное место», по-моему, – пролепетала Наташа.
– Оригинальное название, с выдумкой, – ехидно заметила Ира. – Ты там была?
– Да, мы с Валерием... один раз...
– Когда?
– Давно. Год где-то. Потом ресторан отжали. Валерик очень переживал.

Завершал мой телефон. Это был экстрасенс Владимир.⁷ Я вздрогнула. Владимир регулярно сообщал мне, что на расстоянии энергетически работает с моей аурой, придавая, как он уверял, ей цельность и космическую силу. Но почему-то, как только сенс вспоминал обо мне – невзгоды и лишения валились на мою голову в изобилии. Видимо, «ментальный конденсат» так накачивал мою карму, испытывая меня на прочность.

– Владимир?

– Мне нужна твоя помощь, – без всякого «здрасти» сказал сенс, – вернее моей хорошей знакомой. Она – известный астролог. Лариса Верещагина⁸.

Я не слышала о такой и очень смутно представляла себе, чем, собственно, могу помочь.

Владимир уловил мое замешательство:

– Только ты.

– Ну, тогда, конечно, – испугалась я.

– Ей нужен частный детектив.

– Но я не...

– Где вы можете встретиться?

– Владимир, – сказала я решительно, – я – не частный детектив.

– Ты отказываешь в помощи человеку, который в ней так нуждается?

– Ира, – сказала я, прикрыв трубку рукой, – известный астролог, какая-то Лариса Верещагина нуждается в помощи частного детектива. Поможешь?

Наташка и Ирина разом закатили глаза, чуть не упав в обморок.

– Верещагина, – шептали они с придыханием, – сама Верещагина...

Я не удивилась. Бурная жизнь медийного социума и раньше как-то проходила мимо меня. Мне многие имена ничего не говорили, ко всеобщему негодованию я не знала, например, кто такая Ольга Бузова, и даже про Моргенштерна мне долго надо было растолковывать основные понятия. Возможно, и астролог Верещагина – это что-то такое, о чем я не слышана на фоне всеобщего интереса.

– Конечно! – Ирка пришла в себя первой. – Конечно! Через полчаса в моем офисе!

Вызвали такси и спешно погрузились в него. Как мало нужно человеку для отрады в безутешном горе! Всего лишь встреча с астрологом. Как если бы во власти астролога изменить ход планет.

⁷ См. роман Марии Мусиной «Квадратные метры хитрости».

⁸ См. роман Марии Мусиной «Заклятые подруги». Издательство ЭКСМО 1999 г.

Вереща от восторга (извините за невольный каламбур), наша ватага ввалилась в Иркин офис. Почти сразу же прибыла вожделенная астролог Лариса Верещагина. Была она неказиста, маленького роста, невыразительной внешности и вид имела разнесчастнейший.

Наверное, только поэтому у моих неумных подругхватила такта сначала выслушать ее. А не накидываться на звездочетку со всеми своими собственными проблемами.

Суть дела была такова. Ларисе Верещагиной позвонили из передачи «Лучи правды» (центральный канал, между прочим) и сообщили, что некая дама – Прошкина Лана – жаждет вызвать Верещагину на детектор лжи. Публично разоблачить! Якобы год назад Верещагина, работая с гороскопом Прошкиной, что-то не то ей, Прошкиной, предсказала, чем нанесла непоправимый вред здоровью и судьбе Ланы. Причем сделала это намеренно – из корыстных личных соображений.

– Но я не помню такую женщину, – растерянно говорила Верещагина, – совершенно не помню. Я попросила редактора передачи назвать мне дату рождения «пострадавшей». Дату мне назвали. Но я убеждена: я никогда не работала с этим гороскопом, никогда. Тут два варианта: либо мне назвали неправильную дату, либо это вообще какая-то подстава. Вызвать меня на всеобщее позорище, на телевидение, лить публично грязь...

Сердобольная Наташка налила астрологине воды. Да, ситуация не из приятных...

– Это какие-то недоброжелатели мои, – продолжала Верещагина, – ситуация патовая. Если я пойду на передачу – вынуждена буду оправдываться. Это унижительно. К тому же сейчас Меркурий ретроградный. Это значит, что любая ситуация, начавшаяся сейчас, будет длиться и длиться... Если я не пойду – найдут способ раздуть дальше: дескать, вот, Верещагина уклоняется от прямого разговора, значит боится.

– Я бы тоже не пошла, – сказала Ирка.

Мы с Наташей дружно закивали.

– Здесь дело даже не в моей репутации, – говорила Верещагина, – в моей жизни, как вы догадываетесь, было много клиентов. Возможно, кто-то был недоволен работой со мной. То есть наверняка такие найдутся – я не могу предсказать счастье, которого не будет. И вообще – неизвестно, что они на самом деле хотят на меня навесить. Вы же знаете, что там творится, на этой передаче.

– Да, – поддакнула Ирка, – могут еще каких-нибудь внебрачных детей найти, брошенных в роддоме. От них всего можно ожидать. Потом скажут: ошибочка вышла. Но слух-то пойдет.

– И не предсказываю я никогда ничего конкретного. Просто говорю о взаимоотношении звезд в какой-то момент в жизни человека. Чего опасаться, а чему радоваться. Иногда дурные события начинаются, как благоприятные стечения обстоятельств и наоборот. Это надо человеку объяснить. Астрология – это наука о законах построения судьбы, а никак не предсказание.

– Среди ваших клиентов есть бизнесмены? – спросила Ирина.

– Конечно, есть. Все есть. И бизнесмены, и политики, и их жены. Но я никогда, никогда не даю категоричных советов. Это вообще запрещено.

– Кем? – уточнила я.

– Этикой, наверное, не знаю, меня так учили – не давать советов вообще – вместе с человеком разбирать ситуацию. Ведь предсказывать – это значит брать на себя чужие проблемы. А я – не сумасшедшая, чтобы в это вляпываться. Строго говоря, я не занималась предсказательной астрологией. Характер человека – это его судьба. Кто-то сказал: «Судьба – характер во времени, а характер – судьба в пространстве». И это, действительно, так. Все в принципе можно увидеть в натальной карте – карте рождения. Ну, и посмотреть транзиты планет через важные точки – описать возможные опасности и подарки судьбы. Но я бы не назвала это предсказаниями. Это даже не прогноз. Это – метагноз. Констатация, описание состояния судьбы человека. Я даже не представляю, в чем меня можно здесь упрекнуть. Это все явно какая-то подстава. Кроме того, – совсем сникла Лариса, – у меня, как у каждой женщины, есть тайны.

Не хочу, чтобы в них копались, интерпретировали на свой лад. Не хочу, чтобы муж это все видел. В общем, не хочу, не хочу всего этого, но остановить это уже невозможно. Если я не явлюсь на передачу – она все равно состоится в том или ином виде.

Лариса кусала губы. Накаченные, кстати сказать. Ну, не так чтобы очень, но все же. И лицо содержало явные следы ботокса. Теперь это называется – ухоженная женщина. Мне, кстати, тоже пора за собой поухаживать. Только я уколов боюсь.

Ирина и Наташа глубоко задумались. Видно было, что они переживают и понимают все глубину отчаяния астролога. Одна я не в курсе, как всегда, того, что творится вокруг. О! Что я делаю долгими зимними вечерами? Почему не смотрю тв? Надо бы сосредоточиться на этом вопросе.

Ирка пристально посмотрела на Ларису:

– А муж у нас кто?

Верещагина сделала неопределенный жест, а я сказала:

– Какая разница, кто муж? Кто бы ни был. Все равно неприятно ему будет.

– Как я вас понимаю! – вдруг воскликнула Ирка. – У меня тоже есть тайны. Да! Я однажды в окно влезла к любимому. Ночью. Он, правда, на первом этаже жил. Но все-таки. Как я была в него влюблена, как влюблена... Известный, кстати, человек. Я тоже могла бы выступить на передаче и типа разоблачить его. Ну, или не разоблачить, а пристроиться поближе к знаменитости. Какая реклама была бы моему агентству! Но я этого делать не буду. А почему? Секрет! В этом моя тайна! Короч, надо найти эту бабу – Лану Прошкину. Но где мы ее найдем? Если вы говорите, что имя, скорее всего, не подлинное?

– Может быть и подлинное, – пожала плечами Лариса, – но я не помню ее, женщину эту. Вообще-то Лана – Светлана, – уточнила Лариса, – мне так в редакции передачи сказали.

– Пишите, – решительно велела Ира, – все известные вам сведения о Прошкиной. Дату рождения. Отчество желательно.

Когда Осокина на что-то решалась – она была неотразима. Я всегда любовалась ей в такие моменты. Было абсолютно ясно: Ирка не только сдвинет горы, но и разрушит их в прах, сровняет с землей и гордо перешагнет через эту пыль, влекомая несокрушимой силой достижения цели.

Именно с таким видом Ирина засела за компьютер и через пять минут распечатала довольно длинный список.

– Есть! – провозгласила она. – Во всяком случае, есть над чем работать! Но мы пойдем другим путем! Вернее, двумя путями. Возьмем врага в клещи. Он не вырвется!

Лариса с надеждой смотрела на Ирку.

– Мы сами внедримся в эту передачу! – продолжала сеять в нас уверенность Ирина. – Тебя, Наташка, пошлем! Пусть твой Валерочка поотвечает на вопросы полиграфа.

– Ой, – испугалась Наташка.

– Никаких «ой»! Меркурий, говорите, ретроградный? Это замечательно! Пусть всю оставшуюся жизнь страдает! И подольше! Вот это месть! Как же я до этого не додумалась раньше? Как же мне это раньше-то в голову не пришло? Тут такие возможности открываются, если с передачей этой сдружиться, такие возможности!

Верещагина смотрела на Ирку с некоторым ужасом. Мне, признаться, тоже стало не по себе. Наташка – так та вообще была близка к обморочному состоянию.

Ирка обозрела нас и сказала:

– Нет, а чего вы? Внедрение я беру на себя. Параллельно будем выяснять личность Прошкиной. Если имя, конечно, подлинное. Главное – план действий есть. Дайте-ка мне телефон редакторши. Алоу! Это передача «Лучи правды»? У меня для вас есть потрясающая тема! Разоблачение злостного мошенника! В государственном масштабе! А то, что он при этом еще и двоеженец – только придает истории пикантности. Да, да, двоеженец! Брачный аферист! Но

это не самое разоблачительное в этой истории. Вы удивитесь, но человек кинул целый город на миллиарды рублей! Ну, пусть на миллионы. Все равно ущерб! И разбил сердце. Да, да. Короч, когда я могу с вами встретиться и все в подробностях рассказать? Завтра? Хорошо. Буду!

Ира отключилась и победно обвела нас взглядом, ожидая аплодисментов. Но мы сидели пришибленные какие-то. Такого крутого замеса никто не ожидал. Особенно Наташка.

– Как же я, – лепетала она, – как же я буду? На всю страну... Рассказывать о себе...

Вид у Натальи был, конечно, потерянный. И даже Ирка сжалилась. По-своему.

– Какие все нежные! – закатила она свои красивые глаза. – Еще ничего не происходит, а она уже в панике! Говорю же – главная задача внедриться! Выведать про Прошкину Светлану. А там видно будет.

Расходились мы по одному. То есть по одной. Сначала попрощалась Лариса Верещагина.

– Девчонки, – сказала я, когда она ушла, – какие вы молодцы! Я вами горжусь! Представляю, каких сил вам стоило не спрашивать Верещагину о своих звездных мирах.

– Ну, это ничего, мы свое возьмем, не волнуйся! – и Ирка сделала жест, как будто кого-то душит. – Надо же подробно все разузнать. А ей сейчас явно не до нас. Откуда ты ее знаешь? Почему она к тебе обратилась?

– Не ко мне, а к тебе. Меня Владимир попросил ей помочь. Он – экстрасенс.

– Экстрасенс?! – хором вскричали Ира и Наташа.

– Да.

– Что-то я вообще ничего не понимаю, – возмутилась Ирина, – у тебя в знакомых живой экстрасенс, а мы тут мудохаемся в потемках.

– Он не по этому делу, – замялась я.

– Не по какому? – выпучила Ирка глаза.

– Ну, не по конкретике. Он ауру чистит, карму... С космическими энергиями в общем работает.

– Темнишь?

– Ни капли.

– Ты просто скрываешь его от общественности! Не ожидала от тебя, нет, не ожидала...

– Да, пожалуйста. Давайте его позовем. Как-нибудь.

– Девчонки, – сказала Наташа, – я не хочу на тэвэ.

Ирка уставилась на Наташу, как на совсем никчемную:

– Что ты ноешь? Тебя еще никто никуда не зовет. Ты лучше дома поищи остатки пребывания мужа своего. Может быть, найдешь что-нибудь полезное для понимания его жизнедеятельности.

– Можно закурить электронную сигарету? – обратилась я к таксисту. – Она не пахнет.

– Курите. Я вот тоже курю. Но исключительно гавайские сигары.

– О! Гавайские! – поддержала я разговор исключительно для того, чтобы проявить любезность в ответ на разрешение курить.

– Да. Я вообще-то в такси только подрабатываю. У меня два дома в Майями и большой бизнес там. А здесь – просто чтобы на телефон заработать. Так, мелочевка...

– О! – снова отреагировала я по той же причине.

– Да. Меня еще покойный Лужков в советники звал. Но я не пошел на постоянную работу. Зачем это мне? Так, бесплатно советы ему давал по бизнесу, по развитию градостроительства...

– Ага, – пискнула я, прикидывая – смогу ли быстро покинуть авто в случае непредвиденных обстоятельств.

По всему выходило, что – нет. Дверь была заблокирована.

Во время пандемии и разнообразных локдаунов я, разумеется, свыклась с мыслью, что Мир сошел с ума. Но мне все еще было трудно принять это как всеобщее свойство окружающей действительности. Поскольку я давно за рулем – знаю: на дорогах полно сумасшедших, причем часто буйных. Но все же, когда тебя везет умалишенный – становится не по себе.

Мы двигались в крайнем левом ряду в густом потоке машин.

– У меня и под Москвой вилла, – рассказывал таксист, – но я там редко бываю, все некогда, некогда... Суета заела: тому бизнес-план составь, этому... Приемы бесконечные, фуршеты... Театральные постановки новые опять же надо все обозреть, зовут же – не откажешь...

Я кивнула:

– Не откажешь.

– Не верите?

– Почему же? Отчего же? Очень верю, очень.

– А вот другие – не верят, – горько констатировал таксист.

– И это неправильно! – пролепетала я. – Людям надо верить! Как людям не верить?

– Вот именно, – таксист насупился и всю остальную дорогу молчал.

Довез все же меня до дома. Целую и невредимую. Людям надо верить!

На следующий день Ирина с утра пораньше отправилась в телецентр. Мы с Наташей извелись от нетерпения. Через час уже стали слать эсэмэски: «Как дела?»; «Ты где?». Пару раз мне звонила Лариса Верещагина – тоже волновалась. Ира ответила только через три часа:

– Вечером все расскажу.

...А вечером Наташку сбила машина...

Глава 4

Утром мне позвонили из больницы. Бедная Наташка носила в паспорте карточку. «Если со мной что-нибудь случится, – было написано на ней, – просьба позвонить по телефонам». Мой и Иркин были там указаны. Наташка что-то предчувствовала?

Мы с Иррой помчались в больницу. Наташка, слава Богу, была жива. В реанимации, но жива. Нас, конечно, в больницу не пустили – карантин.

– А в реанимацию вообще не пустят, – сказала Ирка. – Думаешь, случайно ее сбили?

– Если не случайно – это наш грех. Это мы ее вляпали в борьбу с Валерой.

– Думаешь, из-за него? Думаешь, это он?

Не хотелось так думать. Хотелось думать, что это случайность. Мало ли сумасшедших на дорогах? Опять случайность, как непознанная закономерность? Возможно ли ее распознать?

– Это знак нам, – сказала Ирка. – Мы должны все узнать...

Василию я ничего не сказала, и он не заметил моего встревоженного состояния. Да. Я опять наступала на те же грабли, я опять не делилась с близким человеком тем, что меня волнует. Так было когда-то и с Антоном. Но он-то оказался в результате совсем не близким мне человеком. Значит, правильно я делала, что не делилась с ним своими проблемами. А сейчас? Правильно ли я делаю? Чего доброго, Вася будет сейчас волноваться, а еще хуже – поедет выяснять отношения с Валерой. А если Валера здесь ни при чем? Нет, надо сначала прояснить ситуацию, а потом уже делиться переживаниями с Василием.

Почему я чувствую себя такой одинокой? Почему? Со мной рядом всегда много людей. Но когда что-то случается – я не могу рассказать об этом даже самому близкому человеку. На тот момент близкому. На данный момент. Вот именно, что на момент. А потом выясняется, что он был вовсе и не близким... Но – не время думать о себе. Надо думать о Наташке.

Мы с Иркой упорно пытались проникнуть в медицинское учреждение. Но безрезультатно. Зато выяснили, что Наташу сбил машина, которая скрылась с места происшествия. Это обстоятельство не внесло ясности: намеренно ли сбил?

Лариса Верещагина опять позвонила, застав нас перетаптывающимися у дверей больницы. Конечно, ее прежде всего интересовал вопрос с телепередачей. Но и несчастный случай с Наташей взволновал. Еще бы! Зло сгущалось. Пока ударило по Наташе. Но ведь это – пока...

– Самый главный вопрос, – сказала Ира, – кто сбил Наташку и случайно ли сбил. Давайте устроим мозговой штурм. У нас, в конце концов, есть в наличии астролог и целый экстрасенс! Которого ты скрываешь, но безуспешно! О! Все тайное рано или поздно становится явным, – погрозила мне пальцем Ирка.

И в приказном порядке велела Верещагиной приехать в офис.

– Зови экстрасенса!

– Не надеялась бы я...

– Надо что-то делать!

Я позвонила своему, можно уже сказать, давнему приятелю, другу, оперуполномоченному Косте⁹, в очередной раз попросила его о помощи в получении информации.

– Сначала надо задействовать материальные источники. А потом уже обращаться к высшим силам, – назидательно сказала я.

– Одно другому не мешает, – упорствовала Ирка, – зови сенса!

Разумеется, я позвонила Владимиру, попросила и его присоединиться к мозговому штурму. Объяснила ситуацию. Но всю дорогу, пока мы ехали к Ире в офис, я думала, что мы

---

⁹ См. романы Марии Мусиной «Охотничий билет без права охоты», «Квадратные метры хитрости».

сейчас только запутаемся в выводах со всем этим оккультизмом и экстрасенсорикой. Будем плавать в мутных водах символов потусторонних миров, а нам нужны голимые факты жизни!

Наконец все собрались. Все встревоженные, нахохлившись какие-то. Даже Ирка, не отличавшаяся повышенным состраданием к ближнему, предложила для начала выпить кофе.

– Я кофе не пью, – быстро сказал Владимир, вращая глазами навывкате, – оно рассеивает внимание.

Ира покорно заварила чай.

Когда все были облагодетельствованы чашками, в которые вцепились, как в спасение, Ира начала свою речь:

– Господа, я собрала вас для решения очень важной задачи. Наша подруга Наташа попала в беду. Ее сбила машина. Но она еще раньше попала в беду. То есть не машина, а Наташа. Ее обманул любимый человек Валерий Коростылев. Мужчина оказался мерзавцем. Обобрал влюбленную дурочку. Но не на этом начался его преступный путь. Он и его подручники обобрали целый город. То есть за Коростылевым тянется долгий след зла. Вполне возможно, что автомобильная авария, случившаяся с нашей подругой Наташей, – его рук дело. Нам надо прояснить это обстоятельство. То есть выяснить – его или не его рук дело. Для этого я вас всех и собрала.

– Фото есть? – оживился Владимир.

– А как же? – Ира положила перед ним свой телефон с изображениями счастливого периода Наташкиной жизни: она и Валерий на фоне Венецианского канала. Солнце светит. Архитектура нашептывает прекрасные романтические мысли и чувства.

– Этот что ли вашу подругу обижает? – вглядывался сенс в изображение. – Да я его в лягушку превращу!

– Пусть сначала Наташкины деньги отдаст! – деловито заметила рачительная Осокина. – Которые украл по сути! С лягушки какой спрос?

– Можно вопрос? – спросила Лариса. – Что изменится от того, что вы выясните, кто конкретно сбил Наталью? То есть выясните, что это была не случайность, а конкретно кто-то целенаправленно сбил Наталью? Что изменится?

Мы с Ирой переглянулись в недоумении. «А я тебе говорила, не надо связываться с тонким миром, – телепатировала я Ирке, – говорила. Запутают только все».

– Ну, как что? – сказала я вслух. – Очень многое изменится.

– Например? – допытывалась Верещагина.

– Мы будем знать, что Коростылев – уголовник, который не остановится ни перед чем, – сказала я и почувствовала, что прозвучало это не очень неубедительно.

– Вы это и без того знаете, – не сдавалась Лариса, – разве нет? Просто получить очередное подтверждение того, что вы уже знаете?

– Нет, ну тогда мы его просто посадим, – взвилась Ирка, – в тюрьму.

– То есть вы хотите его наказать? – спросила Лариса.

– Да, а как же? – загалдели мы с Иркой одновременно. – Конечно, зло должно быть наказано!

– Не мстите за себя, – громогласно встрял Владимир, – но дадите место гневу. Писано об: Мне отмщение, Аз воздам. Так глаголет Господь.

Я ткнула Ирке локтем: мои худшие предчувствия сбывались. Сейчас нагонят вековой морали, обезличат и дезавуируют всю нашу деятельность. А кто Наташке помогать будет? Кто конкретно? Наташка, она сейчас в реанимации, распластанная, подключенная проводочками к датчикам и капельнице...

– Нет, – резко сказала Верещагина, – дело не в этом. Просто чтобы узнать что-то, надо определить точную точку, точку необходимости знаний. Вы хотите сделать доброе дело или наказать обидчика вашей подруги?

– Когда нам хочется делать предсказания, – встрял сенс, – об определенной группе явлений, то нам важно уловить главнейшие нити, связующие их с комплексом удобоизучаемых феноменов. Чем больше нитей уловлено и чем нити эти существеннее – тем вернее предсказание. Наш ум, должен быть готов всецело погружаться в существо определенного вопроса, создавать особые методы для его исследования, так сказать, настраивать свой интимный механизм мышления на диапазон вопроса.

– Одно другому не мешает, – отмахнулась Ирка от вековых опытов оккультизма, – сделать доброе дело или наказать. Надо помочь подруге – и все.

– Я, я должна задуматься. Мне нужно знать, – не обратила внимания на Иркино раздражение Лариса, – мне необходимо знать основную причину и от нее отталкиваться, чтобы узнать, как на самом деле обстоят дела. Видите ли, в космосе действует великое множество энергий. Какую из них искать? Чтобы узнать истину, надо точно знать мотивы, какие мотивы вами движут?

Ира внимательно посмотрела на Верещагину и еще пуще ощерилась:

– Я, кстати, с вами, госпожа Верещагина, еще договор не заключила. На использование возможностей детективного агентства «Чистая вода» в интересующем вас деле. Или вы уже не хотите узнать, кто вас на поединок вызывает? С помощью детектора лжи?

Лариса растерялась. Это только я к Иркиной прямолинейности привыкла. Новичкам – несдобровать.

Ирка понаслаждалась немного произведенным эффектом. Но – недолго:

– Хорошо. Лариса, давайте я сначала вам расскажу, как прошел мой разговор с редакторшей передачи. Может быть, тогда вам будет легче искать истину, – добавила Ира довольно-таки противным голосом.

А я подумала: если Верещагина всегда так работает с космическими энергиями – нет ничего удивительного, что кто-то ей будет мстить и наезжать на нее. Пусть даже и в такой извращенной форме, как вызов на детектор лжи на Всероссийском телевидении.

Верещагина спорить не стала с Иркой. В том смысле, что благосклонно отнеслась к Иркиному предложению рассказать о визите в телевизионную редакцию. Еще бы! Я и сама сгорала от нетерпения послушать, как Ирка внедрялась. И только несчастье с Наташей отвлекло меня от этой темы.

– Жулики они там все, – безапелляционно заявил Владимир.

В его устах это звучало почти экспертным мнением – Владимир Бородин был победителем нескольких сезонов «Битвы экстрасенсов», пообтесался, пообщался в телевизионных коридорах.

Ира выдержала паузу.

– Пришла я. Редакторша заказала мне пропуск, но велела идти не в редакционное помещение, а в буфет, куда сама и явилась незамедлительно. По всему видно: у них там между собой секреты – видимо, темы друг у друга тырят – конкуренции боятся. Я ей, Оксане этой, изложила историю Наташки. Про Муром, про фиктивный развод. Про то, как Коростылев Наташку нашу обобрал. Представляете, говорю, посадить их друг против друга – Наташу и Коростылева. Пусть он в глаза ей скажет, что разлюбил. А за кулисами уже сидят его жена с ребеночком и новая пассия. А тут и спросить у Коростылева этого, да под детектор лжи – любит ли он их – пассию новую и жену старую? О-о-о!

Ирка в блаженстве закатила глаза, представляя эту сцену.

– Редакторша уцепилась, конечно, – поторопила я.

– Еще бы! Прониклась! Такая тема! Но! – тут Ира торжественно подняла палец вверх. – У них же поток, сказала, у них же не одни мы такие, которые хотят погреться в лучах правды. И сейчас как раз в работе у нее еще одна очень важная тема.

Ирка опять сделала паузу, победно посмотрев на Верещагину. Та, бедняга, аж сжалась под этим взглядом – со всеми своими мудреными мотивами и космическими энергиями. Ирка плотоядно улыбнулась:

– Да! Это была она! Та самая интересующая нас тема. Причем мне так показалось, что тема-то эта еще и проплачена.

– Почему так показалось? – настороженно спросила Лариса.

– Или я плохо знаю людей? – ухмыльнулась Ира. – Такие люди, знаете ли, есть, которые, когда о деньгах говорят или просто даже думают, у них особое такое выражение по их лицам бродит. Удовольствие отображается в глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.